

жайшая цель — борьба с замечающимся стремлением отдельных национальностей к сепаратизму, поэтому в первую очередь я ставлю своей задачей начать работы в Национальном отделе при Комитете членов Учредительного собрания, который должен быть организован.

Какой бы вопрос ни разрешался, но прежде всего я исхожу из основания, что я мусульманин, и притом член мусульманской фракции, куда вошли представители всех социалистических партий. Взять вопрос земельный. Он уже получил свое разрешение в первом заседании Учредительного собрания первого созыва и для меня как члена Учредительного собрания решение это обязательно. Но если будущее Учредительное собрание изменит этот закон применительно к бытовым, территориальным, национальным и другим условиям, я подчинюсь и этому решению.

В рабочем вопросе не мало уделяется внимания преждевременному как бы осуществлению 8-часового рабочего дня. Но этот рабочий период, как завоевание революции, должен и остаться, но при настоящих исключительных условиях повышенных требований на интенсивность и производительность труда — 8-часовой рабочий день должен быть заменен и более длительным. Это требуют интересы возрождающейся России, а раз так, то и долг рабочих самим организоваться на более продолжительный и более производительный период рабочего времени.

Я возвращаюсь к национальному вопросу. Как мусульманин, считаю, что было бы непоправимой ошибкой и громадной политической близорукостью, если бы мусульмане отдельных областей стали самоопределяться до созыва Учредительного собрания. Это ошибочно для возрождающейся страны и для самих мусульман. Поэтому никакие сепаратные тенденции недопустимы до разрешения этого вопроса будущим Учредительным собранием. Будущее же мусульман я представляю так. Для мусульман Поволжского и Приуральского района проведение культурно-национальной автономии, таково положение было высказано уже и мусульманским парламентом. А для других мусульман окраин Туркестана, Кавказа и т.д., принимая во внимание индивидуальные условия их быта, можно провести и территориальную федерацию, не выделяясь, конечно, из состава общей всероссийской федеративной республики.

А.К.

Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. 1918. 1 августа.

¹ Дата публикации.

№ 13

Из протокола заседания Государственного совещания в Челябинске¹

23 августа 1918 г.
Челябинск

Чокаев²: Я бы хотел дать некоторые разъяснения представителю Уральского войскового правительства Фомичеву³: ему неизвестно о существовании Туркестанского правительства. Оно было образовано 27 ноября, было разогнано большевиками в результате восьмидневной борьбы с советской властью в феврале. В Туркестане в настоящее время правительство никаких правительственных функций фактически не отправляет, поэтому (я подаю съезду соответствующее заявление), не желая вызывать какие-либо споры, хотя в том протоколе от 16 июля, который здесь оглашен представителем организационного бюро, не говорится о том, что на Государственном совещании имеют [право] представлять только правительства освобожденных от большевиков территорий, я не настаиваю на своем представительстве⁴. Если же я написал, что являюсь представителем правительства Туркестана, то лишь для того, чтобы голос Туркестана, который сейчас, может быть больше, чем другая какая-либо часть России, гнется под ногами большевиков, был услышан в высоком собрании. Я бы хотел также сказать об Алаш-Орде, членом которой состою. Алаш-Орда была организована в декабре на киргизском съезде в Оренбурге. Если до сих пор о ней не было известно, то просто потому, что в настоящее время неизвестно о многом, что происходит. Относительно Алаш-Орды здесь было спрошено: имеет ли она реальную силу, при помощи которой она могла бы проводить свои постановления в жизнь?

Поскольку деятельность Алаш-Орды касается киргизского народа, то я заявляю, что киргизский народ, без всякого давления, без всяких угроз исполняет постановления Алаш-Орды. В то

время, когда Алаш-Орда не могла фактически вступить на путь реальных действий, рядом с войсками Уральского правительства действовал ее отдел — «Уильский оляят», я полагаю, что представителю Уральского войскового правительства Фомичеву не была неизвестна борьба этого Уильского оляята за земские учреждения, за Учредительное собрание против большевиков. Я не буду дальше утомлять ваше внимание. Если высокому собранию угодно принять такое положение, что здесь будут участвовать только представительства освобожденных от большевиков территорий, то я настаивать на своем мандате от имени Туркестанского правительства не хочу, но я полагаю, что высокому собранию будет не безразлично услышать голос также правительства автономного Туркестана.

Терегулов: Я буду говорить от Центрального управления мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири, так как гражданин Фомичев говорил, что ему неизвестно о существовании этого Национального управления и неизвестно, что оно из себя представляет. Мусульмане тюрко-татары внутренней России и Сибири рассеяны в губерниях Оренбургской, Уфимской, Пермской, Вятской, Казанской, Московской, Петроградской, Тульской, Тамбовской, представляют из себя нацию, которая объявила культурно-национальную автономию, как публично-правовой союз. У этих мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири состоялось Национальное собрание, на котором был выделен исполнительный орган под названием «Национальное управление»⁵, который в настоящее время находится в Уфе. Мусульмане тюрко-татары внутренней России и Сибири, имея свое войско, мобилизуя своих сородичей, образовывая отдельные полки, тем не менее не увлекались последней модой, не объявляли себя правительством, что могли бы сделать свободно. Мы великолепно знали, что наш идеал в данный политический момент — это культурно-национальная автономия и вокруг исполнительного органа этой автономии организовано безусловно все мусульманское население Сибири и внутренней России и этот орган является для мусульман авторитетным органом. В тот момент, когда создается, когда конструируется верховная власть, конечно, мусульмане внутренней России, доходящие до 20% на той территории, которая отвоєвана от большевиков, заинтересованы в создании этой власти, поэтому я полагаю, что это высокое собрание не откажет представителям Национального управления мусульман в присутствии на этом высоком собрании и в принятии участия в обсуждении величайшего вопроса — исторического вопроса российского государства. <...>

Председатель⁶: Господа члены совещания, в последней газете⁷ есть известие следующего содержания: «В бою убит член Учредительного собрания Альджанов⁸. Он убит в бою с большевиками, пал смертью храбрых». Если бы он был жив, он был бы членом нашего настоящего съезда. Я предлагаю собранию почтить память убитого члена Учредительного собрания Альджанова вставанием. (*Все встают.*)

ГАРФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 34. Л. 163 об. — 164 об., 167. Копия.

¹ В этом совещании из мусульман приняли участие Ибн. Ахтямов, А. Валидов, казах Б. Джакандамов, С.-Г. Джантюрин, Х. Досмухамедов, С. Мамлеев, Г. Терегулов, Ф. Тухватуллин, М. Чокаев.

² Чокаев Мустафа (1889–1941) — казах, член Алаш-Орды, председатель Туркестанского краевого мусульманского совета, член Туркестанского комитета Временного правительства, член Всероссийского Учредительного собрания, член Временного Народного Совета автономного Туркестана (1917–1918 гг.), в январе 1918 г. возглавил правительство Туркестанской автономии («Кокандской автономии»), разгромленной большевиками в феврале 1918 г. Член Комуча. После колчаковского переворота оказался в Грузинской республике, где представлял Комитет по созыву Туркестанского Учредительного собрания. В 1921 г. эмигрировал в Европу.

³ Фомичев Гурьян Макарович (?–1920) — ученый и общественный деятель, в 1918–1919 гг. председатель Уральского войскового правительства.

⁴ Другой вариант этой фразы дан в сборнике Д.А. Аманжоловой: «Я не настаиваю на своем представительстве, так как в настоящее время правительство в Туркестане не осуществляет никаких правительственных функций. Если я и написал, что являюсь представителем правительства Туркестана, то лишь для того, чтобы голос Туркестана, который сейчас, может быть, больше, чем другая какая-либо часть России, гнется под ногами большевиков, был услышан в высоком собрании» (Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг. Сборник документов. Караганды, 2005. С. 137).

⁵ В.И. Шишкин, комментируя документ, пишет, что это Национальное управление являлось правительством Идель-Уральской (Урало-Волжской) мусульманской республики, которая была ликвидирована советской властью весной 1918 г. (Временное Всероссийское правительство... С. 88). В действительности Национальное управление мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири, судя даже по этому названию, являлось правительством Культурно-национальной автономии мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири. Есть и другие ошибки в примечаниях этого сборника, связанных с мусульманскими персоналиями.

⁶ Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943) — один из лидеров эсеров, в 1917 г. министр внутренних дел Временного правительства, в 1918 г. председатель Временного Всероссийского правительства.

⁷ О какой газете идет речь, установить не удалось.

⁸ Альджанов (Альжанов) Отунчи (Отыншы) (1873–1918) — казах, юрист, член Алаш-Орды. Л.Г. Протасов причисляет его к тем политикам, которых не следует считать депутатом Всероссийского Учредительного собрания, поскольку не имеется документальных подтверждений (*Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 42). Заявление Н.Д. Авксентьева позволяет считать О. Альджанова депутатом Всероссийского Учредительного собрания. В него он был выдвинут от Киргизской социалистической партии «Фухара» (Беднога), которая была создана в мае 1917 г. в Пишпеке. Организация состояла из киргизов, казахов и татар и охватывала население ряда волостей Пишпекского, Пржевальского и некоторых других уездов Семиреченской области.

№ 14

Из протокола заседания Государственного совещания в Челябинске

24 августа 1918 г.
Челябинск

Ахтямов¹: По вопросу о времени Государственного совещания делегация предлагает это совещание объявить перманентным, постоянным до того времени, пока единая государственная власть не будет создана Государственным совещанием. Тот перерыв, который предлагается, должен определяться только техническими требованиями, невозможностью немедленно приступить к обсуждению вопроса о конституции по чисто техническим условиям. Что касается места Государственного совещания, то делегация предлагает, что местом должен быть город Самара. Самара — это Россия. Все мы мыслим, независимо от нашей принадлежности к Европейской России, Сибири, Кавказу, — все мы мыслим столицу единой России в России. Это столица — Москва или Петроград, а Самара есть совершенно определенный подступ к Москве и Петрограду. Этот подступ к созданию общей столицы для всего единого государства российского. На этом основании мы полагаем, что Государственное совещание, которое должно будет выработать единую власть, должно быть создано в Самаре. Затем Самара в данном случае является и по техническим условиям наиболее удобным местом для совещания. По всем этим соображениям мы полагаем, что Самара явится единственным местом, где должно происходить Государственное совещание, тем более, что в Самаре несомненно будет местопребывание той единой государственной власти, которая будет создана до того времени, пока наконец удастся России обладать своими постоянными столицами — Москвой и Петроградом. Такая столица не мыслится ни в Челябинске, ни в Омске, ни в Туркестане, а в пределах России.

Голос с места: Какие технические условия?

Ахтямов: Я удовлетворю любопытство задавшего этот вопрос. Мы находимся в таких невозможных условиях для ответственной работы, в каких она протекать не может. Мы не имеем даже стол, на котором могли бы записывать и делать те или другие заметки. Это относится к работе членов Комитета Учредительного собрания, и в том же положении находится и канцелярия совещания. Само собой разумеется, в Самаре все эти технические неудобства будут устранены и работа будет происходить в более нормальных условиях.

Мамлеев (представитель Национального правления тюрко-татар внутренней России и Сибири): Я вполне присоединяюсь к сделанному здесь заявлению, что местом Государственного совещания должна быть Самара, а также к заявлению о перманентности данного совещания.

Адигамов²: От имени правительства башкир я присоединяюсь к мнению двух ораторов, которые высказывались до меня. <...>

Чокаев (председатель Временного правительства Туркестана): Присоединяюсь по вопросу о времени и месте Государственного совещания ко всем соображениям, высказанным предыдущим оратором³, я хочу сказать от имени делегации свое мнение по поводу места в Самаре. Самара лежит на перекрестке двух дорог — из Сибири и Средней Азии в Европейскую Россию. Назначая местом Государственного совещания Самару, мы, представители башкир и киргизов, подчеркиваем свое устремление к сердцу России, именно устремление окраин к единению со всей великой Россией.

ГАРФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 34. Л. 168 об., 169, 174–174 об. Копия.

¹ Речь идет о Ибн. Ахтямове, который являлся в то время представителем Съезда городов и земств Сибири, Урала и Поволжья.